

*Посвящаю своим детям
и всем, кого люблю.*

Введение

Я не знаю, что сказать.

Хорошее начало для записей, цель которых поддержать столкнувшихся с потерей.

Я не знаю, что сказать – слышала я каждый раз от тех немногих людей, которые узнали об уходе Феде.

Но я помещу в этот самый главный текст своей жизни всю любовь, сочувствие, безмолвную поддержку и слова, которые находила – у людей, в статьях, книгах, научных работах, песнях.

Я очень хочу, чтобы и для вас они стали утешением.

Конец

*«Навсегда расстаемся с тобой, дружок.
Нарисуй на бумаге простой кружок.
Это буду я: ничего внутри.
Посмотри на него – и потом сотри».*

/Иосиф Бродский/

Федя.

Всё случилось внезапно.

Меня разбудил старший сын, попросив
сходить с ним на кухню попить воды.

Мы сходили, я взяла термометр, чтобы
померить температуру Фёдору: я не расста-
валась с ним с тех пор как в полтора года
у Феди случились первые судороги на подъ-
ем температуры.

В комнате тускло горел ночник.

Старший лег в кровать, а я поднесла при-
бор ко лбу Фёдора.

Мне показалось, что значения были обыч-
ные.

Разве что ребенок неудобно лежал.

«Федя, ну ты чего так к стенке забился», – укладывая его на подушку прошептала я.

Какая-то «ватность» показалось мне странной.

Да еще и пятна на ноге.

Я быстро пошла в комнату звать мужа, хотя в голове зачем-то промелькнула мысль: куда я спешу?

Разве в этом **еще** есть смысл?

Но вслух я сказала мужу:

«Я не понимаю, что там. Пойди, посмотри».

Нашего мальчика не стало за час до моего прихода.

Кровоизлияние в мозг, мгновенная смерть.

В ту ночь что-то было с давлением: за несколько часов до этого я нашла в соседней квартире задыхающуюся соседку, у нее случился инсульт.

К слову, ее не стало через два дня после похорон Федеи.

Утро, когда вереницей приходили врачи, следователи, эксперты я помню обрывками.

В гостиной спал старший сын.

В спальне мучился зубами полугодовалый младший, и для его успокоения играла музыка.

Я стояла рядом с кроваткой и думала, что оказалась в сюрреалистической ситуации: ритмичная мелодия звучит в спальне, а в детской – мой Федя, которого больше нет.

Помню, как меня попросили выбрать вещи для похорон.

Как я передала его маленькие закрытые сандалики.

Как, задыхаясь, одним махом сняла с рейла в шкафу его вещи, чтобы отнести в церковь и никогда больше не выбирать, в чем его хоронить.

Как крошечная темнота наполнила всё вокруг и внутри меня.

Первые ночи я искала, за что подержаться. Сидела на полу.

Хваталась за руку мужа или мамы.

Я не могла найти место в пространстве, точку опоры, которая удержит меня на земле.

Мы вынесли в церковь вещи, вынесли из дома кровать, и в детской зияла дыра образовавшейся пустоты.

Такая же дыра была у меня внутри.

Федя.

Ночью я не могла уснуть.

Закрывала глаза и видела, как перекладываю тебя на спину и перекладываю тебя на спину, и перекладываю тебя на спину.

Я хотела, чтобы ты очнулся.

Смотрела на часы, отсчитывая, сколько примерно часов ты был еще жив.

Через сколько я тебя обнаружу.

В первую же ночь ты дал мне понять, что у тебя все хорошо. Это я осознаю позже, когда прочитаю сотни историй людей с потерями. Мы сидели на площадке, мимо ползла ящерица, и ты, так и не заговоривший по причине, которую так и не нашли, вдруг четко сказал: мама, смотри – игуана! Я удивилась, обрадовалась и спросила: Федя, чего же ты раньше молчал?! Смотри, какие сложные слова ты можешь сказать! Ты озорно и по-доброму засмеялся и вдруг спросил: мама, а почему папа плачет?

Проснувшись, я рассказала сон мужу и сказала: не плачь, ребенок не понимает причины, по которой мы грустим.

Федя.

Каждое утро я просыпалась с пронзительным чувством удара под дых: я почему-то продолжала дышать, хотя умерла там, когда обнаружила своего ребенка бездыханным. Каждый шаг давался мне с трудом, но двое детей и муж не оставляли выбора: я долж-